

Елена Абрамкина

Говори!

Елена Абрамкина

Говори!

«Автор»

2026

Абрамкина Е. Е.

Говори! / Е. Е. Абрамкина — «Автор», 2026

В мире, где после смерти людей превращают в алмазы, Костя борется за то, чтобы у каждого был шанс на вторую жизнь. Потому что алмаз, пристроенный в предназначенное для него место, "оживает": разум умершего пробуждается, и алмаз начинает говорить. Но существующие системы определения места алмаза несовершенны, а проект Кости, который мог увеличить точность детекторов, закрыли три года назад. После того, как он не смог найти место алмазу лучшего друга, Костя отчаялся и утратил веру в возможность "посмертия". Но однажды к нему в руки попадает особенный алмаз, который заставляет Костю вспомнить прошлое.

© Абрамкина Е. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Елена Абрамкина

Говори!

Глава

Говори!

Водители угрюмых черных микроавтобусов приветственно кивали моей яркой волонтерской куртке — голубой с зеленым, с улыбающимся алмазом во всю спину и еще одним, маленьким, но таким же жизнерадостным над сердцем. Я приветствовал их привычным жестом волонтера «Алмаза надежды»: правая рука по центру груди обращается ребром ладони к встреченному, а потом прижимается к маленькому алмазику, слегка поглаживая его. Про поглаживания инструктор не говорил, это мы с Глебом придумали, когда поняли, что больше не сможем проводить выходные где-то еще, кроме Центра хранения и распределения «алмазов».

Водители прижимали руку к сердцу и снова поворачивали головы вперед, туда, где ворота бесшумно разъезжались, запуская очередную машину из бесконечной колонны. А я продолжал шагать к вырастающему из-за крематория Центру.

Когда Глеб первый раз, двадцать с лишним лет назад, притащил меня сюда и показал оточенную мелкой блестящей крошкой дорожку, я не сразу понял, о каком «отработанном материале» он говорит. Но когда равнодушная дамочка в Центре распределения бросила побледневшему старичку: «Ваш алмаз отработал свое. Заберете или оставите на благоустройство территории?», я понял, что красная дорожка была отсыпана по краю непригодными больше алмазами. Тогда мне стало плохо, начальник волонтерского отряда вывел меня из Центра, обозвал малохольным и велел больше не приходить. Но через неделю я упорно потащился вслед за Глебом, уже пристроившим свой первый алмаз.

Первый пристроенный — самый запоминающийся и самый горький. Каждый волонтер, что бы он ни говорил напоказ, в тайне надеется, что именно его алмаз «заговорит». Рассказами о том, как принесенный тобою на отведенное ему место алмаз вдруг просыпается, заманивали не одно поколение волонтеров. Купились на эти рассказы и мы с Глебом. А потом не смогли уйти.

Дверь Центра хранения подалась, как всегда, без единого звука. В этом месте в принципе было мало звуков: неслышно открывались и закрывались двери, с тихим шипением проезжали по асфальту черные микроавтобусы, молча принимали у волонтеров удостоверение и выдавали алмаз бесцветные работники, и так же молча редкие люди в голубых с зеленым куртках шли в Центр распределения.

Там было погромче: ровно гудели, обмениваясь своими историями, длинные и короткие очереди, приглушенно попискивали детекторы в руках специалистов-отборщиков, монотонно жужжал конвейер, на котором один за одним уезжали за своей надеждой алмазы.

Самым оживленным местом в окрестностях Центра был крематорий. Там играла торжественная музыка, произносились красивые слова, слышались живые, пусть и надрывные, голоса тех, кто еще не понял и не принял, что дорогой ему человек умер, и через три с половиной часа после кремации он получит его на руки в виде мутного, неограненного алмаза. И тогда несчастный тоже притихнет, словно выцветет. И пойдет в Центр распределения, чтобы специалисты с монотонно плачущими приборами подарили ему надежду снова услышать родной голос.

— Здравствуй, Костяш! — взорвал тишину хранилища бас Виктора Семеныча. — Приподнялся чего-то, думал, пропустишь эту неделю.

Виктор Семеныч появился здесь семь лет назад, после смерти жены. В Центре распределения ему сказали, что ее алмазу место в компьютере отдела выдачи. Семеныч был человеком понятливым — компьютер так компьютер, выдачи так выдачи, — но расставаться с женой не захотел и устроился на эту самую выдачу оператором.

— Транспорт. — Я пожал протянутую мозолистую ладонь и кивнул на моноблок. — Как Зой Сергевна?

— Ничего, работает старушка. — Семеныч похлопал по моноблоку, как по крупу добротной лошади. — Только молчком все, молчком. Ну да она и раньше не из разговорчивых была.

Виктор Семеныч не терял надежды, что случится чудо, и алмаз его жены проснется и заговорит, даже пытался убеждать — больше себя, чем коллег, — что пристроили ее алмазик на самое правильное место, мол, Зой Сергевна компьютеры любила и всю жизнь на выдаче товаров просидела. Но коллеги только сочувственно кивали: правильно пристроенный алмаз всегда заговаривал сразу. Я тоже кивнул и протянул Семенычу волонтерское удостоверение.

— Поистрепалось, заменить бы, — прицокнул тот и пощелкал по клавиатуре. За стеклянной стеной протянулась к одному из бесконечного ряда шкафов рука-манипулятор. Отсчитав нужный отсек, она вынула из него металлическую коробочку-конфетницу и без лишней спешки понесла к нам. Стекло беззвучно отъехало, коробочка легла на стол перед Семенычем.

— Ну, кого сегодня возьмешь? Старичков или новеньких? Сегодня поступили ребята. Такие истории...

— Давай без историй, ты же знаешь, — решительно оборвал я.

Семеныч единственный в отделе выдачи интересовался историями жизни и смерти тех, кто поступал к нему уже алмазами. По каждой партии поднимал архивы, даже фото иногда находил. И мог часами перебирать коробочку, рассказывая несчастному волонтеру про каждого. Обычно после таких рассказов и неудачной «пристройки» пары-тройки алмазов волонтер снимал свою яркую куртку и больше сюда не возвращался. Я и сам не знал, что гнало меня сюда после смерти Глеба и неудачи с его алмазом. История от Семеныча вполне могла стать последней каплей.

— Без историй, так без историй, — легко согласился Семеныч и протянул мне прозрачную коробочку, внутри которой сидел на матовом дне маленький мутный кристаллик. — На вот этого тебе.

Я молча принял коробочку, легко помещающуюся у меня в ладони, и зашагал к выходу.

«Последний, — решил я для себя. — Как раз Глеба по количеству догоню».

Очередь в Центре распределения, как обычно в середине дня, тянулась через весь холл и упиралась с одной стороны в стену тускло мерцающих металлической отделкой стоек, а с другой — во входную дверь. Кое-как протиснувшись внутрь, я взял электронный талон и по привычке прислонился спиной к стене в ожидании.

— Вот, третий час стою, — жаловалась соседке по очереди интеллигентного вида старушка. — Но в этот раз решила до конца стоять.

— Вы часто тут бываете? — сочувственно подняла брови дамочка-соседка.

— У, милая... — Старушка расстегнула сумочку и достала оттуда маленькую, как у меня, коробочку. Нежно погладив ее, старушка сунула свою драгоценность под нос соседке: — Мы с Бимкой третий раз приходим.

Дамочка всплеснула руками с аккуратным маникюром:

— Господи! С мужем?

— Нет, пес это, — глухо проворчал мужской голос словно тоже из сумочки. — Я тут муж.

Дамочка ахнула и благоговейно посмотрела на старушку. Та переложила сумочку в другую руку и подняла морщинистую кисть. На безымянном пальце, в старом обручальном кольце, торчал малюсенький алмаз. Торчал угловато и несуразно, но, я давно привык не обращать внимание на внешнее расположение алмазов: никогда заранее не знаешь, куда пристроится твой.

— Тише, Вадик, не кипятись, тебе вредно, — старушка улыбнулась кольцу и нежно коснулась алмазика морщинистыми губами.

— Да уж где там! — буркнул тот. — И нечего меня слюнявить. Хоть бы людей постыдилась.

Дамочка-соседка, округлив глаза, смотрела на перепалку старушки с кольцом:

— Значит, это правда? Они действительно могут заговорить, если пристроены правильно?

— Уж как видите, барышня, — проскрипел дед-алмаз, и в его голосе послышался грустная насмешка. — Только радости в этом мало. Раньше хоть закрыться от старухи мог или к Пальчу сбежать, а теперь вынужден круглые сутки треп ее слушать. А она совсем из ума выжила — собаку притащила. Ей в крематории еще сказали, что пес, как ни пристраивай, говорить не будет, максимум — лаять. Нет ведь, третий раз сюда притащилась.

— Цыц, старый! — шикнула на него старушка. — Я, может, вообще волонтером тут стать хочу. Мне все говорят, что рука у меня легкая.

— Рука, может, и легкая, если без сковородки, зато зад тяжелый, — хохотнул дед. — Не поднимешь его еженедельно сюда таскаться.

Старушка сняла кольцо с пальца и с раздражением швырнула в сумочку:

— Посиди там, авось, одумаешься.

Из сумки послышался не то кашель, не то смех, но старушка на него больше не реагировала.

— Вы простите, у Вадика и раньше характер не сахарный был, а как пристроили его в мое кольцо, так и вовсе несносный сделался, — виновато прошептала она соседке. — Он так мечтал пристроиться на свой завод. Говорил, хоть в машинку шлифовальную, с мужиками бы болтал, а тут кольцо, да еще и женино. Обидно ему к бабьей юбке привязанным быть. Теперь приходится по вторникам на завод его носить и ждать, пока наговорится с мужиками своими. А они как начнут, уши вянут.

Но дамочку перепалка старушки с умершим мужем, похоже, ничуть не смутила. Нервными пальцами она вынула из бисерной сумочки бархатную коробочку и осторожно погладила ее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.